

къ сѣверу, имѣлись ключевые родники, изъ которыхъ добывали воду для питья. Температура этихъ ключей иногда также опредѣлялась и заносилась въ журналъ.

Лучшій человекъ отряда экспедиціи, Муравьевъ, въ теченіе почти годового срока по дорогѣ въ Цайдамъ, обучался мною метеорологическимъ наблюденіямъ, обхожденію съ инструментами и отсчетамъ ихъ показаній. Полюбивши это занятіе съ перваго дня моихъ съ нимъ упражненій, и глубоко цѣня оказанное ему довѣріе, Муравьевъ всею душою отдался метеорологіи и сумѣлъ добросовѣстно выполнить не только обычныя ежедневныя періодическія (въ 7 часовъ утра, въ 1 часъ дня и въ 9 часовъ вечера) наблюденія, но даже справиться въ теченіе четырехъ, удачно расположенныхъ мѣсяцевъ съ часовыми наблюденіями, производившимися отъ 7 часовъ утра до 9-ти вечера.

При складѣ въ Цайдамѣ мною были оставлены, кромѣ Муравьева, еще три человека, на одного изъ которыхъ — стараго, неизмѣннаго моего спутника по четыремъ путешествіямъ въ Центральной Азіи, и. д. фельдфебеля отряда экспедиціи, Гавріила Иванова — было возложено главенство. Ивановъ постоянно жилъ, подобно кочевникамъ монголамъ съ экспедиціоннымъ скотомъ — верблюдами, лошадьми и баранами, перенося свой лагерь то по равнинѣ, то по ущельямъ сосѣднихъ горъ и только по временамъ пріѣзжалъ въ хырму „понавѣдаться“. Остальные двое — малолѣтки Евгенийъ Телешовъ и Яковъ Афутинь — говорившіе по монгольски, чередовались въ пребываніи въ укрѣпленіи и при пастьбѣ животныхъ; обыкновенно они перемѣщались изъ одного мѣста въ другое черезъ мѣсяць; случалось однако и такъ, что оба малолѣтка жили недѣлями съ Ивановымъ; тогда наблюдатель Муравьевъ былъ совершенно одинокимъ, если не считать монголовъ.

Мѣстный правитель жилъ, во время пребыванія всей экспедиціи въ Цайдамѣ, въ Хату, — одномъ изъ ущелій хребта Бурханъ-Будда, — откуда по временамъ пріѣзжалъ къ намъ для переговоровъ о предстоявшемъ снаряженіи каравана изъ хайныковъ или быковъ. Не знаю почему, но при этомъ важномъ для насъ вопросѣ, Барунъ-цзасакъ началъ было кривить душою, на что я ему тотчасъ же отвѣтилъ полною холодною отношеніемъ, ставъ на офиціальную ногу; въ заключеніе же строго напомнилъ о Н. М. Пржевальскомъ, о времени снаряженія покойнаго путешественника въ Тибетъ, а также и о томъ, что по возвращеніи въ Сининъ не премину доложить о немъ Цинъ-цайю. Послѣ моего вразумленія Барунъ-цзасакъ долгое время совѣщался съ